

В.И. БАРТЕНЕВ

**Р. РЕЙГАН – М. КАДДАФИ:
АМЕРИКАНО-ЛИВИЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ
В 1980-х годах**

Рассматриваемая тема относится к числу тех сюжетов истории “холодной войны”, интерес к которым не угасает вот уже несколько десятилетий. Это вполне объяснимо. Период конфронтации в американо-ливийских отношениях, начавшийся с приходом к власти Р. Рейгана, завершился лишь в 2008 г. после визита госсекретаря К. Райс в Триполи и назначения нового посла США в Ливии, и все эти годы на ливийской политике Вашингтона лежала тень “рейгановского наследия”. Имя 40-го президента США неизбежно всплывало при обсуждении любых вопросов, связанных с “реабилитацией” режима М. Каддафи, будь то отмена экономических санкций 1982 и 1986 гг., выплата Джамахирией компенсации жертвам взрыва на дискотеке “La Belle” в апреле 1986 г. или возобновление разорванных в 1981 г. дипломатических отношений.

Проблематика американо-ливийского противостояния в 1980-х годах, однако, обрела значение, выходящее далеко за рамки двусторонних отношений. Связано это с тем, что с 1993 г. Белый дом, опираясь на концепцию, представленную советником У. Клинтона по вопросам национальной безопасности А. Лэйком, неизменно рассматривал “ливийскую проблему” в более широком контексте противостояния с так называемыми “государствами-изгоями”. Согласно данной концепции, Ливия принадлежала к узкой группе “реакционных” стран, чьими отличительными чертами были авторитарная природа правящих режимов, систематическое нарушение прав человека и агрессивная внешняя политика, идущая вразрез с нормами международного права: применение или угроза применения силы, спонсирование терроризма и попытки завладеть оружием массового уничтожения (ОМУ)¹.

Сдерживание “изгоев” с применением дипломатических, экономических и – в случае угрозы жизненно важным интересам – силовых методов являлось фундаментом стратегии национальной безопасности США последних двух десятилетий. Сила, как известно, была применена Белым домом лишь в отношении Ирака. Ливии же суждено было стать единственным членом “клуба изгоев”, вычеркнутым из числа его членов без смены режима после добровольного отказа от поддержки терроризма и программ разработки ОМУ. Очевидно, что объяснить метаморфозу, происшедшую с М. Каддафи, равно как и оценить перспективы применимости “ливийской модели” в отношении других “изгоев”, можно только обратившись к истокам американо-ливийской конфронтации.

Важно и другое. К началу 1980-х годов Ливия представляла собой государство, “идеально” соответствовавшее критериям, которыми в Белом доме впоследствии характеризовали “государство-изгой”. Авторитарный режим М. Каддафи, пришедший к власти в ходе революции 1969 г., начал жестоко расправляться с любыми проявлениями недовольства внутри страны, а неотъемлемыми составляющими его внешней

Бартенев Владимир Игоревич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ См.: *Lake A. Confronting Backlash States.* – *Foreign Affairs*, v. 73, № 2, 1994, p. 45–55.

политики стали поддержка использовавших террористические методы национально-освободительных движений, “подрывная” деятельность в масштабах всего мира, применение силы в отношении соседей и стремление завладеть ОМУ.

Степень агрессивности девиантного поведения Ливии, основанного на систематическом и сознательном нарушении правовых норм, увеличивалась с каждым годом и достигла пика к 1981 г. В 1979–1980 гг. М. Каддафи успел “отличиться” санкционированием поджогов посольств Франции и США в Триполи и Бенгази, организацией рейда тунисских диссидентов на Гафсу, устранением ливийских диссидентов за рубежом и, наконец, интервенцией в Чад. Последняя стала апогеем обострения так называемой “ливийской проблемы”², поскольку завершилась провозглашением чадоливийского объединения, которое на деле являлось плохо замаскированной аннексией суверенного государства.

С другой стороны, “ливийская проблема” была проблемой эпохи “холодной войны”. Режим М. Каддафи, вначале придерживавшийся “решительно антисоветской ориентации”, под влиянием размежевания с Египтом и начала проникновения США в регион в 1973–1974 гг. решил пойти на сближение с СССР. В итоге Ливия в кратчайшие сроки превратилась в крупнейшего покупателя советского оружия. Несмотря на идеологические расхождения, степень интенсивности контактов между Москвой и Триполи непрерывно увеличивалась и в конце 1970-х годов также достигла пика.

Поскольку имя Р. Рейгана ассоциируется в первую очередь со “вторым изданием” “холодной войны” и политикой “неоглобализма” логично, предположить, что республиканцы воспринимали конфронтацию с Ливией как локальный фронт глобального противостояния с “империей зла”. Но не стоит забывать, что именно Р. Рейган предложил миру “первое издание войны с терроризмом”³, наиболее яркой главой которого как раз и стал конфликт с режимом М. Каддафи. Именно против Ливии США впервые применили силу в качестве наказания за поддержку терроризма. И здесь возникает вопрос: не был ли акцент на терроризме – ключевой характеристике “государства-изгоя” в рамках указанной концепции – лишь удобным прикрытием для решения более традиционных в рамках “доктрины сдерживания” задач?

Цель статьи состоит в том, чтобы определить, являлась ли конфронтация США с Ливией лишь элементом “второго издания” “холодной войны”, или в ней уже присутствовало свойственное концепции “государств-изгоев” восприятие противника и характера олицетворяемой им угрозы. Данный вопрос прежде не ставился в научной литературе, в том числе и ввиду отсутствия первоисточников. Однако недавно в распоряжении историков всё же появились необходимые материалы. Речь идет о рассекреченных несколько лет назад документах президентской библиотеки Р. Рейгана и Архива национальной безопасности, введение которых в научный оборот позволяет надеяться на воссоздание достаточно объективной картины борьбы США с режимом М. Каддафи в 1980-х годах.

* * *

К моменту прихода к власти Р. Рейгана история взаимоотношений США с режимом М. Каддафи насчитывала уже более десяти лет. На протяжении этого времени Белый дом предпочитал закрывать глаза на “ливийскую проблему”, несмотря на явно

² Термин “ливийская проблема” впервые был употреблен в марте 1981 г. госсекретарем США А. Хэйгом в меморандуме, адресованном Р. Рейгану (Libya, Memorandum by A. Haig to the President, March 25, 1981. – Ronald Reagan Presidential Library (далее RRL), Donald Fortier Files, Box 90754. Libya 1981–84 [1/6], p. 1–5). Затем он прочно утвердился в политическом лексиконе республиканской администрации, дав, в частности, название одному из специальных отчетов госдепартамента (The Libyan Problem. Special Report № 111, October 1983. Washington, D.C., 1983).

³ Термин “первая война с терроризмом” в отношении контртеррористической политики администрации Р. Рейгана был предложен американским исследователем Д. Уиллзом: *Wills D. The First War on Terrorism: Counter-terrorism Policy during the Reagan Administration*. Lanham, 2003.

антиамериканский характер политики Триполи. Причины выбора “неконфронтационного подхода” со временем менялись. Если при Р. Никсоне главным сдерживающим фактором была “решительно антисоветская ориентация” руководства Ливийской Арабской Республики, то после начала ее сближения с СССР эту роль стали играть интересы американских нефтяных компаний, получавших баснословные прибыли от добычи и переработки высококачественной ливийской нефти.

В результате даже на рубеже 1980-х годов в период вынужденного отхода администрации Дж. Картера от “регионалистского” восприятия проблем в “третьем мире” после вторжения СССР в Афганистан и спешного свертывания “разрядки” США ограничивались сугубо формальным осуждением действий Триполи. На серию девиантных акций режима М. Каддафи 1979–1980 гг., наносивших существенный ущерб американским интересам, Белый дом отреагировал лишь включением Ливии в список “стран – спонсоров терроризма” и высылкой нескольких ливийских дипломатов. Это, впрочем, не помешало впечатляющим темпам роста товарооборота между двумя странами достигнуть пика именно в 1980 г., что лишь подчеркнуло готовность США продолжать косвенное “спонсирование” инициатив М. Каддафи по поддержке использовавших террористические методы групп и движений и приобретения им советских вооружений в явно превосходивших оборонные нужды Ливии масштабах⁴.

Однако объяснять пассивность США общим для трех администраций стремлением не нанести ущерба интересам американских компаний в Ливии было бы неправильно. Столь большую роль данный фактор играл во многом потому, что в геополитических расчетах Белого дома приоритетность “ливийской проблемы” на протяжении 1970-х годов оставалась невысокой. Лучшим доказательством этого является переход США к конфронтации с Ливией сразу после вступления в должность Р. Рейгана, который не был реакцией на специфические действия режима М. Каддафи или появление принципиально иных конфликт-объектов. Не шла речь и об утрате заинтересованности в развитии экономического сотрудничества с Триполи. Существенные отличия наблюдались лишь в сфере идей, в восприятии руководством Белого дома международной реальности и способов ее изменения в соответствии с долгосрочными государственными интересами США, но этих отличий вполне хватило для того, чтобы в истории “ливийской проблемы” открылась совершенно новая глава.

Основной неоконсервативной версии “большой стратегии” США стал решительный отказ от “регионалистской парадигмы” Дж. Картера и реанимация наступательного варианта доктрины “сдерживания”. Р. Рейган и его ближайшее окружение – госсекретарь А. Хэйг, директор ЦРУ У. Кейси, министр обороны К. Уайнбергер – были убеждены: именно недооценка демократами “советской угрозы” явилась главной причиной усиления влияния СССР в “третьем мире” и позволила Москве получить явное преимущество в холодной войне. Во избежание новых внешнеполитических неудач, подобных Анголе и Афганистану, США должны были впредь отказаться от любых попыток рассматривать события на “периферии” вне контекста противостояния Восток – Запад.

Подобный неоглобалистский подход основывался на принципе “кто не с нами, тот против нас” и подразумевал значительное расширение круга “врагов”. В итоге тесное военное сотрудничество Триполи с Москвой стало для многих членов команды Р. Рейгана достаточным аргументом для установления связи между “ливийской угрозой” и “советской”. В Белом доме, однако, не было единодушного мнения относительно характера этой связи: одни считали ее прямой, другие – лишь косвенной.

⁴ Подробнее о восприятии руководством США “ливийской проблемы” до прихода к власти Р. Рейгана см.: *Бартенев В.И.* У истоков “ливийской проблемы”: режим М. Каддафи в геополитических расчетах США (1970-е гг.). – Вестник Московского университета. Серия 8, история. 2007, № 1, с. 3–22.

Первую точку зрения (по крайней мере, в своих публичных выступлениях) отстаивал госсекретарь А. Хэйг, которого можно назвать главным “архитектором” конфронтационного курса в отношении Триполи. Он энергично доказывал, что Ливия не является независимым игроком на международной арене и должна быть раз и навсегда переведена в категорию “советских прокси” – государств, чьей внешней политикой прямо “дирижирует” Кремль⁵. Вторая точка зрения озвучивалась так называемыми “региональными специалистами”, и в частности, заместителем госсекретаря по африканским делам Ч. Крокером. Не видя причин считать М. Каддафи “советской марионеткой”, он предпочитал называть ливийско-советские отношения “браком по расчету”, подчеркивая чисто тактический характер этого “союза”, но признавая, что деятельность Триполи, несомненно, отвечает интересам Москвы⁶.

Более детальная данная позиция была изложена в меморандуме, подготовленном сотрудниками госдепартамента осенью 1981 г. В его основу была положена идея о совпадении краткосрочных (подрыв влияния Запада и поддержка радикализма) и несовпадении долгосрочных целей внешней политики СССР и Ливии. Так, в частности, отмечалось, что если Москва стремится к распространению коммунистической идеологии в “третьем мире”, то Ливия нацелена на создание блока арабских и исламских государств, который в будущем сможет бросить вызов обеим “сверхдержавам”. Развитие отношений для обеих сторон признавалось выгодным исключительно с экономической точки зрения⁷.

Эта позиция, достаточно точно отражавшая истинную природу советско-ливийской “дружбы”, была очень близка той, которая преобладала в Белом доме при Дж. Картере. Будь общая ситуация в мире более благоприятной для США, а различия в политических взглядах между 39-м и 40-м президентами не столь велики, сторонники упомянутого подхода вполне могли бы взять верх. Однако в новых условиях, учитывая одержимость Р. Рейгана “советской угрозой”, исход дебатов был предreshен. В марте 1981 г. на вопрос о перспективах проведения советско-американской встречи в верхах, Р. Рейган ответил: “Всё будет зависеть от того, приструнит ли СССР своих сателлитов и, в частности, режим М. Каддафи”⁸.

Таким образом, “неоглобалистский” подход к “ливийской проблеме” возобладал. Администрация Р. Рейгана сочла деятельность М. Каддафи на международной арене еще одним проявлением роста советской экспансии, которой во что бы то ни стало должен быть дан решительный отпор.

Представляется важным сделать акцент на слове “решительный”. Команда Р. Рейгана, “костяк” которой составили члены Комитета по существующей опасности, разделяла тезис одного из главных идеологов этого “штаба” неоконсерватизма Н. Подгореца о том, что “нации был нужен прилив энергии и уверенности в себе”⁹. Республиканцы были убеждены: политика “разрядки” не только усилила “империю зла”, но и отрицательно сказалась на имидже США как главного защитника ценностей

⁵ «Мы должны ясно дать понять СССР, что пришел конец его неограниченному авантюризму в странах “третьего мира”, и что готовность Америки терпеть поведение московских прокси – Кубы и Ливии, исчерпалась», – заявлял во всеуслышание госсекретарь. Цит. по: *Martin D.C., Walcott J. Best Laid Plans: the Inside Story of America's War against Terrorism. New York, 1988, p. 37.*

⁶ Statement of Chester A. Crocker in: *Libya's Role in Sub-Saharan Africa and the Near East. Hearings before Subcommittee on African Affairs and Subcommittee on Near Eastern and South Asian Affairs of the Committee on Foreign Relations, U.S. Senate. 97th Congress. 1st session. July 8, 1981. Washington, D.C., 1981, p. 2–5.*

⁷ *Soviet Reactions to U.S. Pressure against Libya. Memo, November 1981. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754, Libya 1981–84 [1/6].*

⁸ Excerpts From an Interview of Ronald Reagan With Walter Cronkite of CBS News, March 3, 1981. – Public Papers of the Presidents of the United States. Ronald Reagan: 1981 : January 20 to December 31, 1981. Washington D.C, 1982, p. 195.

⁹ Цит. по: *Hunt M.H. Ideology and US Foreign Policy. New Haven, 1987, p. 188.*

западной цивилизации. Поэтому речь шла не только о стратегическом реванше, но и моральном – восстановлении образа государства-лидера, обладающего достаточной волей для ответа на любой вызов¹⁰.

Одним из таких вызовов была угроза международного терроризма, которая после захвата в заложники сотрудников американского посольства в Иране стала фактором не только внешней, но и внутренней политики США. 444-дневный кризис с заложниками стал последней каплей, переполнившей чашу терпения электората, и, несомненно, сыграл свою роль в поражении Дж. Картера в борьбе с Р. Рейганом за президентское кресло¹¹. В этой ситуации новая администрация обязана была не только привлечь дополнительное внимание к проблеме терроризма, но и выступить с понятной простым американцам концепцией ее решения. Подобного выступления пришлось ждать совсем недолго. 27 января 1981 г., на церемонии в честь возвращения заложников, Р. Рейган пообещал: “Пусть террористы знают, что когда нарушаются нормы международного права, нашей политикой будет быстрое и эффективное возмездие. Мы часто слышим, что живем в эпоху, когда наша мощь ограничена. Что ж, пусть всем будет понятно, что есть предел и нашему терпению”¹².

Впрочем, представление о террористической угрозе в Белом доме также было глобалистским. Оно было инспирировано вышедшей в 1980 г. книгой американской журналистки К. Стерлинг “Террористическая сеть”. В ее основе лежала идея о том, что в мире действует широкая террористическая сеть, сплетенная СССР, который, не являясь непосредственным организатором отдельных терактов, поддерживает группы, использующие терроризм для достижения своих целей. Применявшаяся Кремлем, по мнению К. Стерлинг, “схема” называлась ею “террор с использованием прокси”¹³. Особенно сильное впечатление данная книга произвела на А. Хэйга, который в свое время чуть было не стал жертвой теракта и для которого “война с терроризмом” носила характер личной “вендетты”. По его просьбе ЦРУ был подготовлен специальный отчет о роли СССР как спонсора терроризма, лишь усиливший убежденность госсекретаря в правильности выводов К. Стерлинг. В окончательном варианте отчета говорилось: СССР с целью дестабилизации враждебно настроенных режимов прямо или косвенно поддерживает революционные и национально-освободительные движения, которые используют терроризм и стоит за многими странами, финансирующими их террористическую деятельность – в первую очередь Ливией¹⁴.

Другими словами, борьба со “спонсорами терроризма” становилась элементом стратегии “сдерживания”. Подобный подход имел немало внутренних противоречий. Иран, к примеру, ни при каких обстоятельствах не мог быть причислен к “советским прокси”, но это мало волновало администрацию. Официальными фигурантами “черного списка” в 1981 г. являлись лишь те страны, чья политика, в сознании республиканцев, подтверждала тезис о переплетении террористической угрозы с советской. Ливия среди них выделялась не только масштабами военного сотрудничества с СССР и степенью агрессивности поведения на международной арене, но и наибольшей степенью уязвимости. В Белом доме и Пентагоне были уверены: “Ливия не представляет

¹⁰ Подробнее об идейных истоках неоконсерватизма см.: *Гарбузов В.Н.* Революция Рональда Рейгана. М., 2008.

¹¹ По воспоминаниям одного из политических советников Дж. Картера Т. Уайта, “шансы президента на переизбрание окончательно были похоронены в иранской пустыне, рядом с семьей доблестными солдатами, которые отдали свои жизни во имя освобождения заложников” (*White Th.H. America in Search of Itself: The Making of the President (1956–1980).* New York, 1982, p. 21).

¹² *Public Papers of the Presidents of the United States. Ronald Reagan: 1981: January 20 to December 31, 1981.* Washington D.C., 1982, p. 42.

¹³ *Sterling C.* The Terror Network: The Secret War of International Terrorism. New York, 1982, p. 254.

¹⁴ SNIE, Soviet Support for International and Revolutionary Violence, II/2/81. May 27, 1981. Partially Declassified.

для Москвы настолько большой ценности, чтобы СССР взял на себя риск вступить из-за нее в открытую конфронтацию с США”¹⁵. Эту точку зрения в скором времени укрепили слова, сказанные послом СССР в США А.Ф. Добрыниным в приватном разговоре с А. Хэйгом: “Ливия – это исключительно американская проблема”¹⁶.

Другими словами, Ливия превращалась в подходящий полигон для проявления американской активности. Прежде всего усиление давления на режим М. Каддафи при явном нежелании Москвы вставать на его защиту, могло способствовать дискредитации образа СССР в “третьем мире” и предотвращению дальнейшего усиления его влияния. Речь шла о восстановлении утраченной США в 1970-х годах уверенности в своих силах, что подразумевало, в частности, постепенное преодоление “вьетнамского синдрома” через применение силы в тех точках земного шара, где вероятность столкновения с СССР была невысокой, таким, как Иран, или более близким к Москве, таким, как Сирия, “спонсорам терроризма”. Наконец, режим М. Каддафи, идеально подходил на роль “преступника”, вступая в конфликт с которым США могли утвердиться в роли борца со злом и тем восстановить утраченный кредит доверия.

В итоге деятельность Ливии на международной арене оказалась в центре внимания Белого дома с первых дней правления Р. Рейгана. Наиболее полное представление о ее восприятии дает подготовленный А. Хэйгом для президента 25 марта 1981 г. специальный меморандум “Ливия”. Он начинался с фразы, которая может стать эпиграфом всей ливийской политики США в 1980-х годах: “Ливия представляет собой серьезную угрозу американским стратегическим интересам в регионе Ближнего Востока и Африки, *и в более широком смысле – нашей концепции мирового порядка* (курсив наш. – В.Б.)”¹⁷. Эта формулировка ясно дает понять: борьба с М. Каддафи имела для республиканцев не только геополитическое, но и *идеологическое* измерение. В ней отчетливо проступает осознание “девиантного” характера поведения Ливии, свидетельствовавшее об оформлении предпосылок к вызреванию концепции “государств-изгоев”, в которой нарушение правовых и моральных норм представляется как самостоятельная угроза международной безопасности.

В этой связи крайне показательно, что в меморандуме нет упоминаний об СССР даже в завуалированной форме. “Биполярность” предстает в нем лишь в качестве фона, стратегического контекста, но “ливийская угроза” рассматривается как отдельный феномен, обусловленный, скорее, психологическими особенностями М. Каддафи, нежели связями его режима с Москвой.

Особенно заметным отсутствие фактора “советской угрозы” выглядит на фоне попыток А. Хэйга ввести в оборот термин “ливийская проблема” для обозначения совокупности угроз, исходивших, по его мнению, от режима М. Каддафи. По мысли госсекретаря, данная проблема включала в себя поддержку терроризма; “попытки создания империи, реализованные в Чаде”; физическое устранение диссидентов; угрозу применения силы в отношении умеренных арабских государств и попытки завладеть ядерным оружием. Таким образом, А. Хэйг собрал воедино все компоненты объективно существовавшей проблемы, избежав простого повторения озвучивавшегося лидерами Египта и Судана А. Садатом и Д. Нимейри тезиса о превращении Ливии в советский плацдарм.

Тем самым госсекретарь осуществил радикальный разрыв с доминировавшим в 1970-х годах “дробным” подходом, при котором различные составляющие “ливийской проблемы” рассматривались независимо, обуславливая крайне низкую степень обеспокоенности Белого дома ею. Объединение компонентов было призвано убедить выс-

¹⁵ Likely Soviet Responses to U.S. Military Actions. Draft. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754. Libya 1981–84 [1/6].

¹⁶ Haig A. Caveat: Realism, Reagan and Foreign Policy. New York, 1984, p. 109.

¹⁷ Libya, Memorandum by A. Haig to the President, March 25, 1981. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754. Libya 1981–84 [1/6], p. 1.

шее руководство в необходимости оказания активного противодействия “ливийской угрозе”.

Что касается конкретной программы действий, то она была построена на идее изоляции режима М. Каддафи. В соответствии с ней первой антиливийской акцией стало закрытие Народного Бюро СНЛАД (Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии) в Вашингтоне и высылка его сотрудников по обвинению в том, что их деятельность противоречит международным стандартам дипломатического поведения¹⁸. Одновременно Белый дом развернул масштабную кампанию по привлечению внимания к “ливийской проблеме”. Перечисление грехов М. Каддафи с акцентом на противоправности его поведения, сопровождавшееся зачастую сознательным искажением фактов, стало одной из центральных тем рассуждений политиков и СМИ в США.

Процесс дипломатической изоляции подкреплялся выстраиванием стратегического “санитарного кордона” вокруг Триполи, ставшим частью политики укрепления фронта прозападных государств перед лицом “советской угрозы”. Именно в этом контексте имеет смысл рассматривать предоставление США военной помощи странам, испытывавшим наибольшее давление со стороны Триполи – Египту, Судану, Тунису.

Параллельно республиканцы впервые занялись сдерживанием ливийской экспансии в глубь “черного континента”, кульминацией которой стала ливийская интервенция в Чад и провозглашение чадско-ливийского объединения. Представление о чадском измерении “ливийской проблемы” в Вашингтоне было исключительно “глобалистским”. Проводя аналогию с конфликтом в Анголе, Р. Рейган и его ближайшее окружение рассматривали интервенцию как очередную “войну по доверенности”, “срежиссированную” СССР. Главной ее целью, по их мнению, было ослабление позиций Запада не столько в Тропической Африке, сколько в Египте и Судане. Поскольку речь шла о безопасности двух ключевых союзников США в регионе, Вашингтон не имел права оставить “чадскую авантюру” М. Каддафи безнаказанной.

США начали с дипломатических мер – поддержки озвученной странами Тропической Африки идеи “замены” ливийских войск в Чаде миротворческими силами Организации Африканского Единства. Однако основную роль призвана была сыграть тайная операция ЦРУ по снабжению деньгами и оружием отрядов противника проливийски настроенного президента Чада Г. Уэддея – Х. Хабре. Ее главным вдохновителем стал А. Хэйг, который, по словам участвовавших в разработке операции сотрудников госдепартамента, “был буквально одержим идеей использования Чада в качестве арены, где можно будет разбить Ливии нос”¹⁹. Идея, которая легла в основу “чадского плана”, утвержденного Р. Рейганом весной 1981 г., была очень проста: создание благоприятного баланса сил в регионе возможно лишь при условии, что Чадом будет управлять режим, настроенный радикально антиливийски.

Наглядным проявлением конфронтационного курса США в отношении Ливии явилась проведенная в августе 1981 г. операция “Свобода навигации” в заливе Сидра. Она предусматривала пересечение проведенной М. Каддафи в нарушение норм международного права “линии смерти” и была призвана не только подчеркнуть незаконность претензий Триполи, но и продемонстрировать СССР готовность США защищать свои интересы в Средиземноморье с применением силы. В этой связи вполне закономерно, что операция завершилась первым со времен вьетнамской войны вступлением в бой американской авиации. 19 августа 1981 г., когда два ливийских Су-22 открыли огонь по американским самолетам, патрулировавшим залив, пилоты атакованных истребителей открыли ответный огонь и уничтожили противника.

¹⁸ Так, администрация Р. Рейгана обвиняла ливийских дипломатов в причастности к убийствам ливийских диссидентов в США: Closing of the Libyan People's Bureau in Washington, D.C. – American foreign policy: current documents. 1981. Washington, D.C., 1983. Doc. № 378, p. 787–788.

¹⁹ *Peterzell J.* Reagan's Secret Wars. CNSS Report №108. Washington, 1984, p. 47.

Первый с 1969 г. случай применения силы против режима М. Каддафи, столь резко контрастировавший с пассивностью, которую проявила в свое время в схожей ситуации администрация Дж. Картера, вызвал в США восторг. Это убедило республиканцев в правильности выбора Ливии на роль полигона для демонстрации решимости в международных делах. Не менее значимым в этой связи было отсутствие сколь-нибудь серьезной реакции со стороны СССР, указавшее Вашингтону на возможность проведения в будущем военных операций большего масштаба²⁰. Реакция союзников США по НАТО, однако, была крайне негативной, что свидетельствовало о принципиальном отличии европейского подхода к ливийской проблеме. Обусловленное заинтересованностью европейских стран в развитии экономического сотрудничества и сильной зависимостью от поставок ливийской нефти, данное отличие стало служить главным препятствием для осуществления программы изоляции Ливии и побуждало Белый дом идти по пути усиления одностороннего нажима на Триполи.

Однако завершившаяся операцией “Свобода навигации” первая фаза антиливийской кампании США не только не устранила “ливийскую угрозу”, но и усугубила положение дел, подтолкнув Триполи к укреплению отношений с СССР. Уже в июле 1981 г. М. Каддафи разрешил советским военным кораблям бросить якорь в ливийских портах. Еще более заметным “дрейф” в сторону Москвы стал после инцидента в заливе Сидра. В тот же день М. Каддафи подписал договор об обороне с двумя наиболее дружественно настроенными по отношению к СССР государствами региона – Эфиопией и Южным Йеменом, явно направленный против Судана, Сомали и прозападных арабских стран и, по мнению Белого дома, резко нарушавший региональный баланс²¹. За этим последовали сенсационные заявления М. Каддафи о возможности присоединения Ливии к Варшавскому договору в случае новой атаки²².

Одновременно усилилось звучание террористического компонента “ливийской угрозы”. Безусловно, наибольший шум вызвали собранные ЦРУ данные о том, что в качестве акции возмездия за “унижение” в заливе Сидра М. Каддафи отправил в США несколько групп наемных убийц для ликвидации Р. Рейгана и других высокопоставленных лиц в американском правительстве. Сведения о будто бы готовившихся покушениях вскоре попали на страницы американской прессы и на несколько месяцев стали одной из центральных тем в СМИ. Хотя в конце концов она была объявлена ложной, администрации пришлось признать, что первая фаза антиливийской кампании к желаемым результатам не привела, и приступить к разработке нового комплекса мер.

В октябре 1981 г. советник президента по вопросам национальной безопасности Р. Макфарлейн подготовил документ под названием “Сдерживание ливийской угрозы”²³, в котором впервые прозвучала идея введения США эмбарго на поставки ливийской нефти. Хотя США были крупнейшим импортером ливийского “черного золота”²⁴, все понимали, что введение одностороннего эмбарго не скажется на состоянии ливийской экономики²⁵. Относительно превращения его в многостороннее иллюзий Белый дом не питал, говоря, что союзники, “рассматривавшие М. Каддафи скорее как эксцентрика, чем как реальную угрозу”, откажутся к нему присоединиться²⁶.

²⁰ R. McFarlane, Memorandum to A. Veliotis, Ch. Crocker etc. Countering the Threat from Libya. October 14, 1981. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754. Libya 1981–84 [1/6].

²¹ A Red Sea Security System: Political, Military and Economic Issues. An Intelligence Estimate. National Foreign Assessment Center, 8 December 1981. – CIA Electronic Reading Room.

²² M. Qadhafi, statement in FBIS, May 14, 1981. Цит. по: *El Warfalli M. Imagery and Ideology in U.S. Policy toward Libya, 1969–1982*. Pittsburgh, 1988, p. 151.

²³ R. McFarlane, Memorandum to A. Veliotis, Ch. Crocker etc. Countering the Threat from Libya. October 14, 1981. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754. Libya 1981–84 [1/6].

²⁴ Доля США составляла 40% от общего объема нефтяного экспорта Ливии.

²⁵ R. Macfarlane, Memorandum for Members of the Libya Working Group, Next Steps in the Development of U.S. Policy toward Libya, November 6, 1981. – Yale University, Declassified Documents Reference System.

²⁶ Paul D. Wolfowitz – Judge William P. Clark. Background and Talking Points for Libya SIGs. November 24, 1981. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754. Libya 1981–84 [1/6].

Главная цель эмбарго состояла, однако, не в том, чтобы нанести ущерб ливийской экономике, а в том, чтобы предостеречь М. Каддафи, “завоевать доверие региональных союзников, и продемонстрировать всему миру, что США не собирается как ни в чем ни бывало вести бизнес с международным изгоем”²⁷. Это еще раз убеждает нас в том, что противостояние с Ливией имело в сознании республиканцев символический характер, тесно увязываясь с идеей новой, бескомпромиссной внешней политики США. В итоге 10 марта 1982 г. Р. Рейган объявил о введении нефтяного эмбарго, подведя черту под эпохой “примата” экономических интересов в американо-ливийских отношениях.

Однако применять силу в отсутствие явной агрессии со стороны Триполи Вашингтон по-прежнему не планировал. Считая, что Ливия “сдерживаема”, Белый дом делал ставку на использование “дипломатии утешения” – усиление военного присутствия в регионе и демонстрации силы в ходе совместных учений, наподобие операции “Яркая звезда”, проведенной в ноябре 1981 г. В ход шли также прямые угрозы. Но к их осуществлению на практике Белый дом был пока не готов. Более того, с весны 1982 г. началось неожиданное падение рейтинга “ливийской проблемы” в геостратегических расчетах Вашингтона, вызванное резким снижением внешнеполитической активности Триполи и весьма благоприятным для США развитием событий в Чаде – свержением “ставленника” М. Каддафи Г. Уэддея и приходом к власти протеже Белого дома Х. Хабре. Однако уже осенью Ливия стала набирать бойцов в ряды повстанческой армии под командованием Г. Уэддея, обучать их на своих базах и обеспечивать новейшим вооружением, а уже в июне 1983 г. начала вторую полномасштабную интервенцию в Чад. В ней было задействовано около 5 тысяч солдат, что почти вдвое превосходило численность собственно “повстанческих” формирований и лишь немногим уступало численности правительственных войск Х. Хабре. Главной же особенностью интервенции стало использование Ливией авиации, атакам которой чадской армии нечего было противопоставить.

США отреагировали на новую эскалацию конфликта незамедлительно. В Белом доме были уверены: “Если Ливии или тем силам, которые она поддерживает, удастся поставить Чад под свой контроль, безопасность ближайших союзников США, таких как Египет и Судан, будет поставлена под угрозу”²⁸. При этом восприятие “чадской проблемы” оставалось исключительно “глобалистским”. Так, Р. Рейган отмечал, что Ливия проводит политику, которая служит интересам “более крупной державы”²⁹. Режим Х. Хабре должен был выстоять, и поэтому администрация оперативно предоставила Нджамене масштабную военную помощь.

Вашингтон, впрочем, избегал любых форм прямого вмешательства в чадский конфликт, которое испортило бы отношения с Францией, поскольку явилось бы явным покушением на сферу ее интересов. Вашингтон хотел, чтобы миссию по защите режима Х. Хабре взял на себя Париж. Однако президент Франции Ф. Миттеран, имевший на этот счет “особое мнение” и планировавший защищать лишь “полезный южный Чад”³⁰, в итоге предпочел заключить секретное соглашение с режимом М. Каддафи, по которому контроль над северными префектурами Чада оставался за Ливией³¹. Рост “ливийской угрозы” в регионе стал особенно ощущаться в марте 1984 г., когда ливийская авиация нанесла удар по нескольким объектам в г. Омдурман в Судане, и в их числе радиостанции “Radio Omdurman”, распространявшей антиливийскую пропаганду.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Statement by Deputy Press Secretary Speakes on the Situation in Northern Africa, August 5, 1983. – Public Papers of the Presidents of the United States. Ronald Reagan: 1983 (in two books). Washington, D.C., 1984–85. Book 2, p. 1132.

²⁹ Remarks of President Reagan and President Gaafar Nimeiri of the Sudan Following Their Meetings, November 21, 1983. – Ibidem. Book 2, p. 1619.

³⁰ *Mitterrand F. Réflexions sur la politique extérieure de la France*. Paris, 1987, p. 131.

³¹ Tchad: Histoire secrète d’une négociation. Interview de Roland Dumas, 14 juin 2005. – La Lettre de l’Institut François Mitterrand, № 12, juin 2005.

В это же время произошло и возобновление Триполи террористической активности. М. Каддафи впервые осмелился выступить с прямыми угрозами в адрес США, заявив, что Ливия способна экспортировать терроризм “в самое сердце Америки”³². Пытаясь понять причины радикализации внешней политики Ливии, аналитики в Вашингтоне заключили, что “М. Каддафи опасается возмездия меньше, чем прежде”, его вера в возможность победы над империализмом сильна как никогда, и связано это в первую очередь с уходом американских войск из Ливана³³. В этой ситуации команда Р. Рейгана пришла к выводу, что решить “ливийскую проблему” можно только путем свержения М. Каддафи и “замены его кем-то более отвечающим американским интересам”³⁴.

Произошли изменения и в представлениях о сущности “проблемы”. Так, один из сотрудников Совета национальной безопасности (СНБ) М. Лиден писал руководителю военно-политического департамента Д. Фортьеру: «Мы не можем позволить себе воспринимать Ливию только в качестве “государства-изгоя” или только в качестве советского прокси. Речь идет о судьбе всего арабского мира. На Ближнем Востоке вырастет новое поколение, уверенное в том, что будущее за Каддафи и Хомейни и что только фанатическое насилие, направленное против западной цивилизации, обеспечит исполнение воли Аллаха. Каждый успех Каддафи увеличивает риск подъема исламского фанатизма»³⁵. Подобный “цивилизационный” подход к “ливийской проблеме” и рассмотрение ее в одной “обойме” с иранской, свидетельствует о попытках экспертов в СНБ выйти за рамки противостояния Восток – Запад.

Работа по переосмыслению ливийской политики шла весной 1984 г. и в госдепартаменте. Ее результатом стал подготовленный помощником госсекретаря К. Дамом отчет, содержащий 10 вариантов сдерживания “ливийской угрозы”, которым был присвоен ранг от 1 до 10 в соответствии со степенью их радикальности. Опция № 8 предполагала разработку планов немедленного нанесения удара по выбранным ливийским целям в случае нового теракта, опция № 9 – программу секретных операций, и, наконец, опция № 10 – комплекс мер по свержению режима М. Каддафи³⁶. В том же направлении мыслили и сотрудники ЦРУ. Заключив, что “никакие меры, за исключением стимулирования свержения М. Каддафи, не повлекут за собой сколько-нибудь значительных изменений в политике Ливии”, они предлагали произвести качественное усиление поддержки ливийских диссидентов³⁷.

Другими словами, почти все ведомства были единодушны в оценках ситуации вокруг Ливии. Вскоре их главный вывод о бессмысленности сдерживания М. Каддафи получил новые подтверждения. Во второй половине 1984 г. “ливийская угроза” начала нарастать, так сказать, по всем направлениям: “советскому” (предоставление советскому флоту базы в Тобруке), “подрывному” (направление группы ливийских военных советников в Никарагуа), “террористическому” (минирование режимом М. Каддафи прохода из Индийского океана в Красное море), “неконвенциональному” (подписание соглашения с Бельгией о сотрудничестве в сфере ядерной энергетики). В свете этих событий Р. Рейган дал добро на разработку новой антиливийской стратегии.

³² Цит. по: *Wills D.* Op. cit., p. 169.

³³ Bureau of Intelligence and Research Analysis – Libya: Qadhafi on a Binge. March 20, 1984. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754. Libya 1981–84 [6/6]. В январе 1984 г. США пришлось эвакуировать корпус морских пехотинцев, направленный в Ливан осенью 1982 г. для контроля над выводом формирований Организации освобождения Палестины, что стало следствием взрыва казарм в Бейруте боевиками “Хезболла”, в котором погиб 241 американский солдат.

³⁴ Donald R. Fortier, Memorandum for Robert C. McFarlane, Revisiting a Bolder Approach on Libya, March 22, 1984. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754. Libya 1981–84 [6/6].

³⁵ Email, Mike Ledeen – Donald Fortier, Libya package, 10 April 1984. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754. Libya 1981–84 [6/6].

³⁶ *Woodward B.* Veil: the Secret Wars of CIA, 1981–1987. New York, 1987, p. 114.

³⁷ *Teicher H., Teicher G.* Twin Pillars to Desert Storm: America’s Flawed Vision in the Middle East from Nixon to Bush. New York, 1993, p. 308.

В феврале Д. Фортьером и сотрудником ЦРУ В. Каннистаро был составлен меморандум “Проблема Каддафи”, предлагавший два подхода к ее решению – “широкий” и “смелый”. “Широкий” подход был менее радикальным и включал в себя три компонента: 1) принуждение граждан США в Ливии к отъезду из страны; 2) заверение региональных союзников в готовности США положить конец ливийской “подрывной деятельности”; 3) возобновление военных учений около ливийских берегов с пересечением “линии смерти” в заливе Сидра. Основу же “смелого” подхода составили операции, нацеленные на смену режима в Джамахирии. США, по мысли Каннистаро, должны были прийти на помощь прозападным группам в Ливии, если они замыслили свержение М. Каддафи, и начать подготовку совместных с Египтом и Алжиром военных операций против Ливии³⁸.

Предложенные варианты вызвали острую дискуссию в администрации Р. Рейгана. Дж. Шульц, У. Кейси и Р. Макфарлейн поддерживали “смелый подход”. Однако представители Пентагона во главе с К. Уайнбергером возражали, ссылаясь на присутствие в Ливии большого числа советских специалистов. С новой силой дебаты разгорелись на заседании Группы планирования СНБ 13 июля 1985 г., где “ястребы” представили проект операции “Цветок”, разделенной на два компонента. Первый (“Тюльпан”) подразумевал сотрудничество с Египтом и Алжиром в деле подготовки и вооружении ливийских диссидентов, прежде всего Национального Фронта Спасения Ливии³⁹, второй (“Роза”) – нанесение совместного с Египтом превентивного удара по Ливии, нацеленного на “смену режима”. Предполагалось, что египетская армия вторгнется в Ливию, а США нанесут удар с воздуха по Триполи и другим ключевым точкам.

Однако К. Уайнбергер и начальники штабов снова сделали всё, чтобы похоронить эту идею, предложив вариант, предусматривавший переброску в Ливию из Европы трех (!) дивизий. Увидев этот план, заместитель директора ЦРУ Р. Гейтс, назвал его “второй высадкой в Нормандии”⁴⁰ и счел слишком рискованным. Несмотря на это эксперты СНБ продолжали разрабатывать операцию “Роза”, однако все попытки убедить А. Садата в целесообразности ее проведения в ходе тайного визита заместителя советника президента по вопросам национальной безопасности Дж. Пойндекстера и уже знакомого нам Д. Фортьера в Каир закончились ничем⁴¹.

Другими словами, переосмыслить основы “ливийской политики” оказалось гораздо легче, чем воплотить новые идеи в жизнь. Складывалась странная ситуация, при которой уровень “ливийской угрозы” был высок, как никогда, а Белый дом вел себя так, как будто решил реанимировать “нонконфронтационный” подход. Для выхода из нее требовалось, чтобы команда Р. Рейгана четче осознала имиджевые риски, сопряженные с бездействием.

Это, впрочем, не заставило себя долго ждать. Ключевую роль в нарастании американо-ливийского конфликта в итоге сыграли события, к которым Ливия имела лишь опосредованное отношение – угон самолета TWA 847 и захват лайнера “Ахилл Лауро”. Эти теракты, в результате каждого из которых погибло по одному американцу, вызвали бурю негодования в американском обществе, которое тут же обвинило высшее руководство в отсутствии воли к выполнению обещаний “быстрого и эффективного

³⁸ Donald R. Fortier, Vincent Cannistaro. The Qadhafi Problem. Memorandum for Robert C. Macfarlane, February 4, 1985. – RRL, Donald Fortier Files, Box 90754. Libya: Jan-June 1985 [1/4].

³⁹ John M. Poindexter, Memorandum for R. Reagan, Supplemental Finding on Libya Covert Action, April 10, 1986.

⁴⁰ Цит. по: *Wills D. Op. cit.*, p. 173.

⁴¹ О ходе этих переговоров известно немного, но представление о переговорной стратегии США дает следующая фраза из переписки Дж. Пойндекстера и Р. Макфарлейна: “Нам следует дать понять Мубараку, что мы в любом случае осуществим наш план, и мы действительно хотим, чтобы они нам помогли, хотя, по правде говоря, они нам необходимы для проведения наземной операции” (Handwritten note, Poindexter to McFarlane, July 24, 1985. – RRL, Box 93207, SRB378 TWA 847 (12), President’s Special Review Board (Tower) Records).

возмездия”. В ситуации, когда на кон было поставлено доверие электората, команде Р. Рейгана требовалось еще плотнее заняться проблемой терроризма, и на роль объекта для проведения “показательных” карательных мер Ливия подходила больше всего.

Вашингтону требовался лишь повод, и он представился 27 декабря 1985 г., когда одновременно в аэропортах Вены и Рима группы вооруженных молодых людей расстреляли пассажиров, стоявших в очереди у регистрационных стоек компании El Al, в результате чего погибло 18 человек (в том числе 5 граждан США) и более сотни было ранено (в том числе 14 американцев). Ответственность за теракты взяла на себя группа Абу-Нидалья, получавшая, как было известно, помощь из Сирии и Ливии. Вскоре у теракта действительно отчетливо вырисовался ливийский след, что вновь сделало “ливийскую проблему” главной темой повестки дня в Вашингтоне. Целый ряд сотрудников СНБ, и в частности Э. Мортон, выступал за принятие экономических мер, доказывая, что при низких ценах на нефть, усилении кризиса в ливийской экономике и росте общественного недовольства в стране такие шаги, как прекращение торговли с Ливией и блокирование операций американских нефтяных компаний способны существенно повлиять на внешнюю политику Триполи⁴².

Гораздо более жесткую позицию занимали Дж. Шульц, У. Кейси, Д. Фортьер и Х. Тэйчер. Глядя на реакцию, которую вызвали в американском обществе теракты в Риме и Вене, они были убеждены, что “ситуация никогда настолько не располагала к применению силы”⁴³, и настаивали на нанесении бомбовых ударов. Так, Х. Тейчер подчеркивал, что “успешная антитеррористическая кампания против Ливии могла привести к свержению М. Каддафи; отказу СССР в доступе к ливийским портам; разрушению международной террористической сети; серьезному ослаблению антиамериканской оси на Ближнем Востоке и устранению препятствий для мирного урегулирования ближневосточного конфликта”⁴⁴. Эти формулировки свидетельствуют о широте восприятия “ливийской проблемы” в СНБ. Поддержка терроризма была далеко не единственным ее компонентом – поведение режима М. Каддафи мешало реализации геостратегических интересов США, и его “усмирение” продолжало рассматриваться в контексте противостояния Восток – Запад.

В то же время применение силы против Ливии, по мнению руководителя ближневосточного департамента Х. Тэйчера, должно было “изменить представления о пассивности США перед лицом усиливающейся террористической угрозы и продемонстрировать эффективность американской военной машины”. США предоставлялась прекрасная возможность предстать в роли сверхдержавы, обладающей ресурсами для защиты ценностей западного мира и основ международного права и, самое главное, готовой их использовать. Х. Тэйчер был уверен: силовое решение “ливийской проблемы” должно было показать, что эпоха “унизительной нерешительности” США ушла в прошлое, и призывал во что бы то ни стало предотвратить возможную атаку Израиля на Ливию: “Во-первых, будет стыдно, если нас кто-то опередит. Во-вторых, существует огромная разница между впечатляющей демонстрацией американской мощи, с одной стороны, и еще одним израильским рейдом под носом у Америки, которая сама не способна ничего предпринять. Для Израиля, для укрепления наших позиций в арабском мире, наконец для восприятия антитеррористической кампании в Америке будет лучше, если мы осуществим военную операцию сами”. Столь воинственный настрой сотрудников СНБ объяснялся их уверенностью в том, что СССР не придет на помощь Ливии и что реакция советского руководства будет “соотноситься с надеждами, которые оно возлагает на американо-советские отношения”⁴⁵.

⁴² Elaine Morton, Memo. Non-Military Alternatives, December 28, 1985. – RRL, Elaine L. Morton Files, Box 91758, 1st Post [Terrorist attacks in Rome, Vienna].

⁴³ E-mail, Jock Covey – Howard Teicher, Retaliation. 31 December 1985. – National Security Archive, White House E-Mail Chronological, Record Number 277 (1982–1989).

⁴⁴ H. Teicher, Memorandum for the President, Acting against Libyan Support of Abu Nidal. December 31, 1985. – RRL, Howard Teicher Files, Box 91671. Libya Sensitive [6/7].

⁴⁵ H. Teicher, Memorandum for the President...

Военные, однако, позицию “ястребов” в СНБ не поддержали. Они полагали, что карательная операция приведет к определенным потерям, вызовет ухудшение отношений с арабскими союзниками США и, наконец, поставит под угрозу жизни американских граждан в Ливии. В Вашингтоне царила неопределенность, которую лучше всего характеризует следующая выдержка из дневника Р. Рейгана: “Все считают, что мы должны что-то предпринять, однако есть проблемы, и главная из них – 1000 американских граждан, живущих в стране этого сумасшедшего клоуна”⁴⁶. В итоге президент предпочел послушать военных, решив, однако, не ограничиваться экономическими мерами и провести новые учения в заливе Сидра, чтобы продемонстрировать американскую мощь и спровоцировать М. Каддафи на применение силы.

7 января 1986 г. Р. Рейган подписал Указ № 12543, провозглашавший наличие чрезвычайной угрозы национальной безопасности США со стороны Ливии и вводящий новые, жесткие санкции в отношении Триполи. США полностью прекращали торговлю с ней, налагали запрет на выезд в эту страну и призывали американских граждан покинуть ее территорию под угрозой привлечения их к уголовной ответственности. Официальное объяснение принятию этих мер, данное Р. Рейганом (“М. Каддафи заслуживает того, чтобы международное сообщество относилось к нему как к парии”⁴⁷) представляется очень любопытным, поскольку лишний раз свидетельствует о том, что администрация при любом удобном случае старалась представить Ливию как “государство-изгой”, нарушающее общие для всего цивилизованного мира нормы поведения.

8 января после получения информации о попытках Ливии перевести средства из американских банков, Белый дом принял решение заморозить ее активы и призвал своих союзников последовать его примеру. При этом Р. Рейган поспешил заверить союзников, что присоединение к санкциям не станет проверкой альянса на прочность⁴⁸. Стремясь прояснить позицию США, Р. Рейган отправил в Старый Свет двух эмиссаров – Дж. Уайтхеда и Р. Оукли, однако их усилия оказались напрасны. Европейские государства единодушно отказались присоединиться к американским санкциям. Считая доказательства причастности Ливии к терактам в Риме и Вене недостаточными, европейские лидеры не верили в эффективность санкций и опасались того, что политика США может помешать процессу ближневосточного урегулирования.

Таким образом, попытки США изолировать Ливию с помощью дипломатии снова зашли в тупик. Впрочем, администрация Р. Рейгана готова была действовать и в одиночку и приступила к проведению операции “Добыть документ”, последняя фаза которой предусматривала пересечение прочерченной М. Каддафи “линии смерти”. 23 марта 1986 г. М. Каддафи поддался на провокацию, и по его приказу по самолетам ВВС США были выпущены противовоздушные ракеты. Хотя цели они не достигли, американские пилоты уничтожили несколько зенитных установок, с которых производился огонь, и проявившие активность патрульные лодки.

Очередной раунд американо-ливийского противостояния вызвал резко негативную реакцию как в арабском мире, так и в Европе. США поддержали лишь Великобритания и ФРГ, назвавшие действия американских ВВС актом самообороны, но все средиземноморские страны – Испания, Франция, Греция, Италия – обрушились на Белый дом с гневной критикой. Сам М. Каддафи придал инциденту символическое значение. Во все Народные Бюро СНЛАД была разослана директива, гласившая, что Ливия и США находятся в состоянии войны и что все американские базы и базы НАТО объявляются законными целями.

Восприняв эти угрозы всерьез, команда Р. Рейгана обратилась к своим союзникам в Европе с просьбой усилить наблюдение за дипломатическими представительствами

⁴⁶ *Reagan R.* An American Life. New York, 1990, p. 513–515.

⁴⁷ The President’s News Conference: January 7, 1986. Public Papers of the Presidents of the United States: 1986. Book I (Washington, D.C. Office of the Federal Register, p. 17–18).

⁴⁸ *Gwertzman B.* U.S. Backs Away from Asking West for Curb on Libya. – New York Times, January 10, 1986.

Ливии, что сразу же принесло свои плоды. Вечером 4 апреля 1986 г. Агентство по Госбезопасности и Генеральный Штаб Связи британской разведки перехватили телеграмму НБ СНЛАД в Восточном Берлине, адресованную Ливийской службе разведки в Триполи и состоявшую всего из одной фразы: “Вы очень обрадуетесь, когда увидите заголовки завтрашних газет”. Вскоре было перехвачено и второе сообщение, где говорилось, что операция производится в данный момент. В это время на другом конце города, на дискотеке “La Belle” (излюбленное место отдыха американских военных) произошел сильнейший взрыв, в результате которого два американских солдата погибли и 230 человек (включая 50 американских солдат) получили ранения.

Проанализировав перехваченные телеграммы, команда Р. Рейгана пришла к выводу об очевидной причастности М. Каддафи к теракту⁴⁹. В том, что ливийский лидер пойман с поличным, были убеждены и представители Пентагона, которые начали поддерживать идею применения силы, продолжая, однако, спорить с “ястребами” в СНБ относительно списка целей для бомбовых ударов. Так, К. Уайнбергер настаивал на включении в него только объектов, напрямую связанных с организацией теракта в Берлине, в то время как Дж. Шульц, Х. Тэйчер и др. выступали за уничтожение всей ливийской “террористической инфраструктуры”, включая казармы Азизийя, служившие М. Каддафи командным центром, а также генштаб Ливийского Разведывательно-го Бюро⁵⁰.

Дж. Шульц полагал, что США не могут позволить себе ограничиться символическими мерами и должны провести операцию как можно большего масштаба. Ему вторил советник по вопросам национальной безопасности Р. Пойндекстер. Отсылая к нацеленной на свержение М. Каддафи “новой ливийской стратегии”, он считал необходимым нанесение удара по его резиденциям⁵¹. При этом Р. Пойндекстер называл откровенно неразумной идею некоторых своих подчиненных об определении местонахождения М. Каддафи и нанесения удара по этому объекту. Он был убежден, что мертвый М. Каддафи будет представлять еще большую опасность, чем живой, став героем-мучеником в глазах радикально настроенных арабов всего мира. Вместо этого Р. Пойндекстер хотел унизить М. Каддафи, показать ливийцам ту цену, которую они вынуждены платить за действия своего лидера⁵².

Наиболее важные лица в команде Р. Рейгана, таким образом, снова не смогли договориться, ставя президента, любившего коллегиальные решения, в затруднительное положение. После продолжительных колебаний Р. Рейган приказал ограничиться пятью целями⁵³, включая казармы Азизийя, и отказаться от намеренного отслеживания передвижений М. Каддафи. Казармы Азизийя представляли собой важную цель, и президент, как вспоминал впоследствии генерал Форган, рассудил так: “Если мы застанем М. Каддафи в постели, это будет дополнительный бонус”⁵⁴.

8 апреля 1986 г. Белый дом приступил к консультациям с союзниками по НАТО – Великобританией (по вопросу привлечения к операции самолетов, размещенных на базе в Лакенхисе), Францией и Испанией (по вопросу использования их воздушного

⁴⁹ Как вспоминал впоследствии Тэйчер, он зашел к заместителю директора департамента по военно-политическим делам СНБ О. Нортю, и тот, указав на кипу бумаг на столе, сказал: “Вот оно, дымящееся ружье Муаммара” (*Teicher H. Op. cit.*, p. 347).

⁵⁰ Email, James R. Stark – Donald Fortier, Libya Next Steps, March 27, 1986. – White House E-mail, supplementary floppy disc.

⁵¹ Oliver North Notebooks, v. 18, April 7, 1986 [AMX001058]. – National Security Archive.

⁵² *Martin D., Walcott J. Op. cit.*, p. 296.

⁵³ 1) Военная часть аэропорта Триполи, где находились военные транспортные самолеты, использовавшиеся, как считали в Вашингтоне, для “подрывных” и террористических акций; 2) армейские казармы в Бенгази, служившие М. Каддафи вторым командным постом; 3) тренировочный центр Сиди Биляль, где было спланировано минирование прохода в Красное море в середине 1984 г.; 4) воздушная полоса Бенина, с которой поднимались в воздух перехватчики МиГ-23.

⁵⁴ *Martin D., Walcott J. Op. cit.*, p. 296.

пространства). “Туманный Альбион” и средиземноморские страны снова заняли прямо противоположные позиции. Если М. Тэтчер решила выступить с США единым фронтом, то лидеры Франции и Испании оказались куда менее сговорчивыми. Их отказ сильно осложнил проведение операции, поскольку самолеты должны были делать огромный крюк вокруг Гибралтара, что требовало нескольких дозаправок.

Идея карательной операции против Ливии не нашла одобрения ни у одной страны континентальной Европы, и поэтому 14 апреля министры иностранных дел европейских стран встретились в Голландии с целью обсудить кризис вокруг Триполи. Содержание итогового коммюнике было весьма любопытным. Помимо повторного обращения к Вашингтону с просьбой проводить сдержанную политику в нем содержались призыв к Ливии прекратить спонсирование терроризма и решение ограничить свободу передвижения ливийских дипломатов. Тем самым государства ЕЭС впервые публично назвали Ливию в числе стран – спонсоров терроризма и коллегиально предприняли первые меры борьбы с “ливийской угрозой”. Такое изменение позиции имело вполне конкретную цель. Речь шла о политическом сигнале, призванном продемонстрировать Белому дому готовность европейцев пересмотреть подходы к “ливийской проблеме”, и тем самым предотвратить американский карательный рейд.

Администрация Р. Рейгана, однако, не изменила своего решения: спустя всего несколько часов американские ВВС, осуществив самый дальний перелет в истории авиации США, приступили к бомбардировкам ливийских объектов, в ходе которых погиб 1 американский летчик и около 40 ливийцев. Сам же М. Каддафи, хотя и находился в момент атаки в казармах Азизий⁵⁵, по счастливой случайности не пострадал.

Рейтинг президента взлетел: одобрение проводимой им внешней политики выразило 77% населения, что на 20% (!) превышало прежний рекорд. Это означало, что, по крайней мере, одной цели – укрепления позиций внутри страны Р. Рейгану добиться удалось. Что касается скрупулезно отслеживаемой Белым домом реакции СССР и арабских стран, то она была очень сдержанной. Москва ограничилась лишь обвинениями в адрес американского “империализма” и отказом участвовать в подготовительном саммите министров иностранных дел. Однако в Белом доме были уверены, что М.С. Горбачев изменит свое решение⁵⁶. Лидеры арабского мира, в свою очередь, демонстрируя на словах солидарность с братским ливийским народом, в частных разговорах выражали сожаление о том, что “США не прикончили М. Каддафи”⁵⁷.

Однако главная цель операции под названием “Каньон Эльдорадо” – смена режима в Ливии – достигнута не была. Она не только не спровоцировала революционного переворота в Джамахирии, но и не убедила М. Каддафи в нецелесообразности конфронтации со сверхдержавой. Ливийский лидер тут же организовал акцию возмездия, отдав приказ выпустить несколько ракет по базе США на о. Лампедуза. Хотя ракеты не достигли своей цели, М. Каддафи дал понять, что он не собирается уходить в тень. Не могли не вызывать беспокойство и сведения о серии терактов, произошедших сразу после рейда, ясно свидетельствовавшие: террористы, чью бы волю они ни исполняли, американской карательной операцией уstraшены не были.

В этих условиях члены команды Р. Рейгана во внутренней переписке не скрывали своего разочарования результатами рейда. Однако они были уверены, что США должны оставаться верны избранной линии: “Для всех сейчас очевидно, что мы сделали что-то внушительное. Мы должны использовать это. Мы должны доказать, что мы были правы, и в случае, если рейд не остановит М. Каддафи, мы сделаем это еще раз”⁵⁸. В итоге перед майским саммитом G7 в Токио, где должна была обсуждаться

⁵⁵ Х. Тэйчер в мемуарах настаивает на том, что в Белом доме ничего не знали о местонахождении М. Каддафи: *Teicher H., Teicher G. Op. cit.*, p. 352.

⁵⁶ Jack F. Matlock, Possible Soviet Responses to U.S. Actions in Libya. Memorandum for John M. Poindexter. 25 April, 1986. – RRL, James Stark Files, Box 91747. U.S. Actions in Libya [2/4].

⁵⁷ *Teicher H., Teicher G. Op. cit.*, p. 352.

⁵⁸ Howard Teicher, Memo for John M. Poindexter. 16 April 1986. – RRL, Donald Fortier Files, Box 91673. Libya [12/12].

проблема терроризма, спекулирование идеей повторного применения силы против Ливии стало своего рода общим местом в официальных выступлениях американских политиков. Подавалась эта идея следующим образом: США полны решимости провести еще одну операцию, но они надеются, что в этом не будет необходимости в случае принятия коллективных мер, в первую очередь, введения нефтяного эмбарго⁵⁹.

При этом члены команды Р. Рейгана понимали, что добиться от европейцев введения экономических санкций будет нелегко. Одним из препятствий на этом пути было получение пятью крупнейшими нефтяными компаниями США права на продолжение деятельности в Ливии. Европейские лидеры стали использовать этот факт для оправдания своего отказа жертвовать экономическими интересами во имя трансатлантической солидарности. Тогда Р. Рейган решил отправиться в Токио с “козырем в рукаве” — обещанием, что к 30 июня 1986 г. компании прекратят свою деятельность, однако на исход очередного раунда дискуссии по ливийскому вопросу это не повлияло. Хотя Ливия оказалась единственной страной, прямо обвиненной в поддержке терроризма в итоговой декларации, подвижек в вопросе об ее экономической изоляции не произошло.

Всё это не означало, впрочем, что идея повторного применения силы против режима М. Каддафи была лишь уловкой, предназначенной для шантажа союзников. Уже спустя три дня после рейда Х. Тэйчер, Дж. Старк и О. Норт подготовили меморандум, в котором доказывали необходимость немедленного нанесения нового воздушного удара по Ливии с целью вызвать революционные выступления в армии, чье желание опрокинуть М. Каддафи, по их мнению, подогрела “Каньон Эльдорадо”⁶⁰. “Ястребы” предлагали два варианта: первый — атака на Себху, где, по донесениям разведки, ливийский лидер скрывался после рейда, второй — бомбардировки баз ливийских ВВС в Триполи и Биннафи.

Д. Фортьер, в свою очередь, советовал нанести удар по наиболее верным М. Каддафи подразделениям и тем самым “максимально увеличить период политического вакуума в Ливии”⁶¹, а Э. Мортон предлагала атаковать экономические и военные объекты⁶². Но ключевые фигуры в команде Р. Рейгана не разделяли энтузиазма “младшего звена”. Так, например, Дж. Пойндекстер был уверен в том, что повторный воздушный налет возможен только при условии, что М. Каддафи “предпримет нечто экстраординарное”⁶³. Однако возникает закономерный вопрос — чем же было обусловлено решение руководства США отклонить идею повторного применения силы против Ливии?

Ответ, на наш взгляд, кроется в следующей фразе из письма Дж. Пойндекстера О. Норту: “У нас есть возможность провести всего одну, максимум две односторонние акции, перед тем как общественное мнение изменится. Если бы на нашей стороне выступили некоторые наши союзники, у нас, возможно, будет больше времени”⁶⁴. Руководство США четко осознавало, что ситуация не располагает к злоупотреблению “дипломатией силы”. Американский рейд вызвал напряженность в трансатлантических отношениях, и в этих условиях целесообразнее было сделать ставку на диалог с европейскими союзниками, на демонстрацию заинтересованности США в мирном

⁵⁹ Presidential Talking Points, April 1986. Press Meeting re: Tokyo Economic Summit. — RRL, Howard Teicher Files, Box 91669. April 1986 Chron, HT(1).

⁶⁰ Oliver North, Howard E. Teicher, James R. Stark, Next steps: Libya. Memorandum for John M. Poindexter, April 18, 1986. — RRL, James Stark Files, Box 91747. Libya Next Steps [1/2].

⁶¹ Donald Fortier, Memorandum for John Poindexter, April 28, 1986. Libyan Planning. — RRL, James Stark Files, Box 91747. Libya Next Steps [1/2].

⁶² Elaine L. Morton, Memorandum for Donald R. Fortier, May 2, 1986. — RRL, James Stark Files, Box 91747. Libya Next Steps [1/2].

⁶³ Email, Howard Teicher — Oliver North, Terrorism/Libya Topics Discussed at the Summit, May 09, 1986. — RRL, Howard Teicher Files, Box 91671. Libya Sensitive [2/7].

⁶⁴ Email, John Poindexter — Donald Fortier. Combatting Terrorism, May 13, 1986. — National Security Archive. White House E-Mail Chronological, Record Number 27, 1982–1989.

решении “ливийской проблемы”. Кроме того, оценить эффективность “Каньон Эльдorado” можно было только в долгосрочной перспективе. Команда Р. Рейгана не стала исключать возможность снижения общего уровня “ливийской угрозы” и принимать скоропалительные решения. Впрочем, и бездействовать Белый дом не собирался.

В августе в госдепартаменте разработали план по оказанию дипломатического давления на режим М. Каддафи с помощью масштабной дезинформационной кампании – “психической атаки”, по меткому определению Х. Тэйчера⁶⁵. Предполагалось предоставлять крупнейшим периодическим изданиям в США и за рубежом заведомо ложную информацию следующего содержания: 1) М. Каддафи готовит новую серию терактов; 2) общественное недовольство в Ливии приближается к критической отметке; 3) США вот-вот нанесут новый удар по Ливии. Эта кампания, по мысли сотрудников госдепартаamenta, должна была предостеречь М. Каддафи от осуществления новых антиамериканских акций.

Идея “психической атаки” получила полную поддержку у высшего руководства на заседании Группы планирования СНБ 14 августа 1986 г., и в течение нескольких недель вступление американо-ливийской конфронтации в новую фазу стало темой № 1 в СМИ. Однако произошло непредвиденное. Кто-то из лиц, имевших доступ к сверхсекретным документам, познакомил с их содержанием “автора” Уотергейтского скандала Б. Вудворда. Последний, не долго думая, опубликовал обширную статью в “Washington, D.C. Post”, где представил американской общественности истинное положение вещей⁶⁶.

Данная утечка информации настроила против администрации Р. Рейгана не только американское общественное мнение, но и западноевропейских союзников. Теперь любые обвинения Белого дома в адрес М. Каддафи имели шанс быть воспринятыми как очередная “психическая атака”, не подкрепленная никакими достоверными сведениями. В этой ситуации республиканцам выгоднее было временно заморозить антиливийскую кампанию. Особенно очевидно это стало после потрясшего вскоре администрацию скандала “Иран-контрас”. Факт проведения секретной операции по продаже оружия государству, которое администрация Р. Рейгана называла в числе главных спонсоров терроризма, полностью дискредитировал подход республиканцев к проблеме терроризма⁶⁷. Чтобы не нанести еще больший вред своей репутации, Белый дом решил “приглушить” звучание “ливийской проблемы”.

В результате почти два года степень конфликтности в американо-ливийских отношениях была минимальной, да и Ливия не давала Белому дому в этот период повода для серьезного беспокойства. Советско-ливийские отношения продолжали ухудшаться; “ливийская угроза” стратегическим интересам США в Северной Африке фактически исчезла в связи с поражением Ливии в чадской войне, заставившим режим М. Каддафи пойти на примирение со всеми соседними государствами – союзниками Вашингтона; наконец, не было никаких свидетельств возобновления Триполи террористической активности. Но как только Белому дому стали известны детали ливийской программы по производству химического оружия, включая строительство комплекса в Рабте, Вашингтон реанимировал “дипломатию устрашения” в отношении Триполи⁶⁸.

Уже в сентябре 1988 г. Р. Рейган заявил, что США всерьез рассматривают вариант проведения военной операции по уничтожению указанного комплекса. М. Каддафи отрицал все обвинения и предлагал американцам осмотреть завод и убедиться в том, что он предназначен лишь для производства медикаментов. Миротворческий настрой ливийского лидера, однако, не был свидетельством отказа Триполи от “девиантного

⁶⁵ Teicher H., Teicher G. Op. cit., p. 352.

⁶⁶ Woodward B. Gadhafi Target of Secret U.S. Deception Plan. Washington, D.C. Post, October 2, 1986.

⁶⁷ Подробнее об этом см.: Никонов В.А. Афера “Иран-контрас”. М., 1987.

⁶⁸ Libyan Chemical Weapons Facilities. Press Guidance, September 14, 1988. – RRL, W.J. Burns Files, Box 91843. Libya background (1986–88) [4/4].

поведения”. В декабре 1988 г. ливийские спецслужбы организовали акцию возмездия за “Каньон Эльдорадо”, которая до сих пор остается в списке наиболее кровавых терактов в мировой истории. Речь идет о взрыве самолета Pan Am 103 в небе над шотландской деревней Локкерби, жертвами которого стали 270 человек, включая 180 граждан США⁶⁹.

Администрация Р. Рейгана дала обещание привлечь к ответственности организаторов теракта, но имевшиеся в ее распоряжения данные не позволяли установить виновников трагедии. Хотя причастность Ливии к взрыву была выявлена лишь в 1991 г., очередной эскалации напряжения в американо-ливийских отношениях избежать не удалось. 4 января 1989 г. Вашингтоном была организована очередная военная провокация в заливе Сидра, закончившаяся уничтожением нескольких ливийских самолетов.

Случившаяся за три недели до инаугурации Дж. Буша-ст. и явившаяся практически буквальным повторением событий лета 1981 г., она стала вполне символическим завершением восьмилетней дуэли “Р. Рейган – М. Каддафи”. Уходя с политической сцены, 40-й президент США не преминул напоследок еще раз публично унизить одного из своих главных противников. Однако тем самым он признал свое поражение, продемонстрировав всему миру, что “ливийская проблема”, несмотря на все приложенные им усилия, сохраняется.

* * *

Подводя итоги анализа американо-ливийского противостояния в 1980-х годах, хотелось бы прежде всего дать ответ на вопрос о его природе. Рассекреченные материалы американских архивов не оставляют сомнений в том, что конфронтация США с режимом М. Каддафи была полноценной главой “второго издания” “холодной войны”, одним из наиболее характерных примеров реализации на практике стратегических императивов политики неоглобализма.

Администрация Р. Рейгана перешла бы в наступление на позиции режима М. Каддафи даже при отсутствии в “ливийской угрозе” террористического компонента. К этому ее “обязывала” реанимация наступательного варианта доктрины “сдерживания” и имманентная ей жесткая логика “игры с нулевой суммой”. Руководствуясь ею, республиканцы сочли, что деятельность Джамахирии наносит ущерб стратегическим интересам США, а значит, увеличивает шансы “империи зла” на победу в “холодной войне”. Сохранять верность “неконфронтационному подходу” в условиях, когда республиканцам, как они сами считали, нужно было ликвидировать преимущество, полученное СССР вследствие “трусливого регионализма” демократов, было невозможно.

Суть реальной ливийской стратегии Вашингтона, которую ни один представитель администрации никогда не осмелился бы озвучить с трибуны, заключалась в том, что США стремились не только к обеспечению стратегического преимущества в отдельно взятом регионе, но и к получению долгосрочных глобальных стратегических дивидендов. Преувеличивая “ливийскую угрозу”, выбивая ассигнования на предоставление военной помощи соседним с Ливией государствам, наконец, регулярно играя мускулами, администрация Р. Рейгана одновременно занималась и преодолением “вьетнамского синдрома”, и истощением СССР, заставляя “империю зла” продолжать подрывавшую ее экономику гонку вооружений.

Показательно в этом контексте выглядит резкое снижение конфликтности в американо-ливийских отношениях в 1987–1988 гг., которое негативный эффект от разоблачения аферы “Иран-контрас” может объяснить лишь отчасти. Главную роль, по

⁶⁹ Спустя несколько месяцев, в сентябре 1989 г., уже после ухода Р. Рейгана с поста президента США, также при участии ливийских спецслужб был совершен еще один крупный теракт – взрыв самолета французской авиакомпании “UTA”, следовавшего из Браззавиля в Париж через Нджамену. Во взрыве в небе над Нигером, ставшим актом возмездия за “чадское унижение”, погибло 180 пассажиров (в том числе 54 граждан Франции и 25 граждан Чада).

нашему мнению, сыграли ослабление угрозы стратегическим интересам США со стороны Ливии после поражения в чадско-ливийской войне и тот факт, что к 1987–1988 гг. стратегия истощения СССР уже стала приносить свои плоды. США чувствовали близость победы в “холодной войне”, и борьба с режимом М. Каддафи в этой ситуации утратила свое главное обоснование.

В 1980-х годах М. Каддафи являлся “парией” только для узкой группы стран, включавшей США, Великобританию, Израиль и прозападные государства ближайших соседей Ливии. Главные экономические партнеры Ливии в континентальной Европе данной позиции, как известно, не разделяли. Однако даже если бы страны ЕЭС решили по примеру Белого дома ввести против Триполи жесткие санкции, Джамахирия не оказалась бы в полной изоляции. В биполярном мире могли существовать страны “третьего мира” и неприсоединившиеся государства, но “государств-изгоев” быть не могло по определению. Эрозия и распад биполярной системы изменили данную ситуацию.

Первым на себе почувствовал последствия тектонических сдвигов в структуре международных отношений режим С. Хусейна, вторым – режим М. Каддафи. Изоляция для Ливии, равно как и для Ирака, перестала быть абстрактной категорией и превратилась в суровую реальность, из которой в однополярном мире было лишь два выхода – изменение политики режима и смена самого режима. В отличие от С. Хусейна, М. Каддафи не стал испытывать судьбу и предпочел взять курс на реинтеграцию в мировое сообщество.

Процесс превращения Ливии из крайне агрессивного актора, не признающего никаких правовых ограничений, в законопослушного члена “семьи наций” занял очень много времени. Требования, зафиксированные в резолюциях Совета безопасности ООН, были выполнены М. Каддафи в полном объеме лишь в 2003 г. – тогда же, когда режим С. Хусейна был свергнут. Однако столь медленные темпы урегулирования “ливийской проблемы” были обусловлены совершенно иными причинами, нежели отсутствие прогресса в “иракском вопросе”. В отличие от режима С. Хусейна, демонстрировавшего свое нежелание разоружаться, М. Каддафи был готов к “исправлению”. В то же время он всерьез опасался того, что выдача сотрудников ливийских спецслужб, подозреваемых в организации взрыва самолета Pan Am 103 властям США и Великобритании позволит Белому дому поставить вопрос о привлечении его самого к ответственности и настаивал на проведении судебного процесса в третьей стране.

Долгое время США под влиянием общественного мнения, сочувствовавшего семьям погибших в теракте над Локкерби, категорически исключали возможность диалога с Триполи и шли по пути усиления односторонних санкций. Однако эрозия режима санкций ООН и постановление Международного Суда 1998 г. о том, что он обладает необходимой юрисдикцией для вынесения решения по вопросу о легитимности данного режима, вынудили Вашингтон пересмотреть свою позицию. Согласившись на проведение судебного процесса в Гааге, администрация У. Клинтона впервые дала понять, что реинтеграция Ливии в мировое сообщество возможна без смены режима при условии выполнения Джамахирией всех требований, предъявляемых к ней США.

Список требований со стороны Америки был шире списка, содержавшегося в резолюциях Совета безопасности ООН, и предусматривал отказ режима М. Каддафи от программ производства ОМУ. Это требование прозвучало на секретных переговорах, которые начались при У. Клинтоне и продолжились при Дж. Буше-мл., несмотря на жесткое сопротивление сторонников реанимации рейгановских методов решения “ливийской проблемы”. Итогом переговоров стало заключение компромисса, который сын М. Каддафи Сейф аль-Ислам совершенно справедливо назвал “сделкой, выгодной для обеих сторон”⁷⁰.

⁷⁰ Interview with Seif el-Islam Qaddafi, Al-Hayat, March 10, 2004. Translated and reported by BBC Monitoring.

В обмен на отказ США от попыток изменения режима в Ливии и нормализацию двусторонних взаимоотношений, без которой реинтеграция Ливии в мировое сообщество не могла быть полной, режим М. Каддафи согласился не только признать ответственность за теракты 1988–1989 гг., и выплатить компенсации семьям погибших, но и отказаться от ОМУ. Это позволило Ливии сначала выйти из международной изоляции (санкции ООН были отменены летом 2003 г.), а затем и окончательно восстановить взаимоотношения с США. Так был установлен значимый исторический прецедент – добровольный отказ “государства-изгоя” от всех форм девиантного поведения и его реабилитация в качестве полноправного члена мирового сообщества, – который до сих пор остается уникальным.